

Александр Грин

Игрушка

Александр Степанович Грин

Игрушка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=274772

Аннотация

Герой делается «свидетелем отвратительной сцены» – двое мальчишек-«гимназистиков» сооружают... виселицу для котёнка.

© *FantLab.ru*

Содержание

I	4
II	7

Александр Степанович Грин Игрушка

I

В один из прекрасных осенних дней, полных светлой холодной задумчивости, неяркого сияния солнца и желтых, бесшумно падающих листьев, я гулял в городском саду. Аллеи были пусты, пахло прелью, земляной сыростью; в багрянце листвы светилось чистое голубое небо. Это был старинный провинциальный сад, изрезанный вдоль и поперек неправильными тропинками; сад с оврагами, густо поросшими крапивой; с кирпичами, мостиками и полусгнившими ротондами. Огромные столетние липы и березы почти закрывали небо; в их влажной сочной тени было так хорошо прилечь, наблюдая маленьких красногрудых снегирей, прыгавших по земле.

Я шел, помахивая тросточкой, вполне довольный настоящей минутой, тишиной и легкими послеобеденными мыслями. Повернув с аллеи на узкую кривую тропинку, я заметил двух мальчуганов, присевших на корточки в густой высокой траве, и подошел к ним совсем близко.

Сейчас трудно припомнить, почему это так вышло. Я человек довольно замкнутый и неохотно сталкивающийся с кем бы то ни было, даже с детьми; возможно, что меня привлекло сосредоточенное молчание маленьких незнакомцев, изредка прерываемое тихими напряженными возгласами.

Оба так погрузились в свое занятие, что я, незамеченный, очутился от них не далее десяти шагов и притаился за деревом. Мальчики продолжали возиться, устраивая что-то свое, понятное им и никому более. Вытянув шею, я разглядел обоих. Один, постарше, лет, вероятно, двенадцати, круглоголовый и низенький, выглядел сильным, задорным крепышом, румяный и загорелый. Другой, тоненький, высокий, с бледным, истощенным лицом и оттопыренными ушами, производил более симпатичное впечатление; природа как будто пожалела его, наградив парой чудных выразительных глаз. Одеты были оба они в летние гимназические блузы и белые форменные фуражки. Крапива и лопухи мешали мне хорошенько рассмотреть странное сооружение, возведенное мальчиками. Я был уверен, что эта незаконченная постройка превратится со временем в уродливую глыбу земли и палок под громким именем «Крепости Меткой Руки» или «Форта Бизонов» – забава, которой увлекался и я в те блаженные времена, когда длина моих брюк не превышала еще одного аршина.

Пока я гадал, старший мальчик согнулся, стругая что-то перочинным ножом, и я увидел два невысоких кола, тор-

чавших из земли очень близко друг к другу. Верхние концы их соединялись короткой, прибитой гвоздями перекладиной. Тут же сзади бледного мальчугана валялась грязная скомканная тряпка.

Круглоголовый сунул руку за пазуху и сказал:

– Думал – потерял. А она здесь.

Он вытащил что-то зажатое в кулак и показал приятелю. Потом бросил на землю. Это была бечевка, смотанная клубком. А я услышал в этот момент тоненькие неопределенные звуки, выходившие, казалось, из-под земли.

Гимназистик кончил строгать и встал. В руках у него был толстый заостренный кусок дерева. Он воткнул его в землю между вертикально торчащими кольями, взял бечевку и крепко, аккуратно завязал один ее конец вокруг только что воткнутого колышка. Другой конец спустил через перекладину, и я увидел... петлю. Младший, упираясь руками в согнутые колени, внимательно следил за работой, старательно помогая товарищу бровями и языком, точь-в-точь как на уроке чистописания.

– Готово, Сеницын! – сказал крепыш и, быстро оглянувшись, прибавил торжественным, сухим голосом: – Ведите преступника!

II

И тут я сделался свидетелем неожиданной отвратительной сцены. Грязная тряпка оказалась мешком. Синицын встряхнул его, и на траву, беспомощно расставляя крошечные дрожащие лапы, вывалился слепой котенок. Он шатался, тыкался головой в траву и жалобно, тонко скулил, дрожа всем тельцем.

– Ревет! – сказал Синицын, любопытно следя за его движениями. – Смотри, Буланов, – на тебя пополз!..

– Он думает, что мы его оправдаем, – сердито отозвался Буланов, хватая котенка поперек туловища. – Знаешь, Синицын, ведь все преступники перед смертью притворяются, что они не виноваты. Чего орешь? У-у!

Я вышел из-за прикрытия. Мое появление смутило маленьких палачей; Буланов вздрогнул и уронил котенка в траву; Синицын испуганно расширил глаза и вдруг часто замигал, подтягивая ремешок блузы. Я приветливо улыбнулся, говоря:

– Чего переполошились, ребята? Валяйте, валяйте! Интересно!

Оба молчали, переглядываясь, и по сердитым вытянутым лицам их было видно, как глубоко я ненавистен им в эту минуту. Но уходить я не собирался и продолжал:

– Экие вы трусишки, а? Что это у вас? Качели?

Буланов вдруг неожиданно и громко прыснул, побагровев, как вишня. Сравнение с качелями, очевидно, показалось ему забавным. Синицын откашлялся и протянул тоскливым, умоляющим голосом:

– Это... это... видите ли... вот... виселица. Мы хотели поиграть... вот... а...

Он умолк, захлебнувшись волнением, но Буланов поддержал его.

– Так, ничего, – равнодушно процедил он, рассматривая носки своих сапог. – Играем. А вам что?

– Да ничего, хотел посмотреть.

– Вы, может быть, драться думаете? – продолжал Буланов, недоверчиво отходя в сторону. – Так не нарывайтесь, у меня рогатка в кармане.

– Ах, Буланов, – укоризненно сказал я, – совсем я не хочу драться. А вот зачем вы хотели котенка повесить?

– А вам что? – торопливо заговорил Синицын. – Вам-то не все равно? Все одно, его утопить хотели... и еще троих... Я у кухарки выпросил... Вот...

– Ему все равно! – подхватил Буланов.

– Так ведь вы не умеете, – заметил я, – тут нужно знать дело.

Мальчики переглянулись.

– Умеем! – тихо сказал Буланов.

– Ну, как же?

– Как? А вот как, – снова заговорил Синицын, и его блед-

ное лицо мечтательно вспыхнуло, – а вот как: ставят его под виселицу... А стоит он на стуле... Потом палач петлю надевает и...

– Врешь! – горячо перебил Буланов. – Вот и врешь! Сперва еще балахон наденут... совсем... с головой... Ну? Не так, что ли?

– Балахон? Да, – покорно повторил Сеницын. – А потом – раз! Стул из-под него вышибут – и вся недолга.

– Это кто же тебе рассказал?

– Кто? Вот он, – Сеницын указал на Буланова. – А ему дядя рассказывал.

– И он весь бывает синий, – заявил Буланов, наматывая бечевку вокруг пальца.

– Котенка оставьте, – сказал я. – Жалко. Бросьте эту затею!

Дети молчали. Мое заявление, по-видимому, не было для них неожиданностью, они предчувствовали его и не обманулись моей смиренностью. Наконец, сердясь и краснея, Буланов сказал:

– Людей можно, а котят – нет?..

– И людей нельзя.

– Дядя говорит – можно, – возразил мальчик, окинув меня критическим взглядом, и прибавил:

– Он умнее вас. Он за границей был.

Возражения становились бесполезными. Авторитет дяди окончательно уничтожал меня в глазах моих противников. И

как уверять их, что не он, дядя, умнее, а я?.. Я ударил ногой миниатюрную виселицу, и она рассыпалась. Гимназистики, оторопев, пустились бежать со всех ног, бросив на произвол судьбы котенка, мешок и неиспользованную бечевку. Зверек пищал и ползал, путаясь в высокой траве.

Я обратил их в бегство, но был ли я победителем? Нет, потому что они остались при своем ясном и логическом убеждении:

– Если можно людей, то кошек – тем более...

Быть может, впоследствии, когда жизнь ярко и выпукло развернет перед ними свою подкладку, Синицын и Буланов преисполнятся сочувствия к кошкам и начнут тщательно воспитывать откормленных сибирских котов, но теперь как отказаться от нового романтического удовольствия, приближающего их детские души к непонятному волнующему трагизму современности, захватывающему и интересному, как роман из индийской жизни? «Там» – вешают... И мы...

Впечатления детства... Какова их судьба?